

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Dimensions of possession / Ed by I Baron, M Herslund, F Sørensen Amsterdam, Philadelphia John Benjamins, 2001 337 p (Typological studies in language V. 47)

Тематика посессивных конструкций в последнее время активно разрабатывается как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Это проявляется, в частности, во все возрастающем количестве монографий и конференций, посвященных данной области грамматики. Результатом одной из таких конференций, проводившейся в 1998 г в Копенгагене, и стал сборник "Dimensions of possession".

Учитывая место проведения симпозиума, не удивительно, что основной состав авторов – это скандинавские лингвисты, большинство из которых, к тому же, представляют Данию. Многочисленные и продуктивные датские исследования по типологии и семантике не относятся к числу широко известных – может быть, из-за относительной недоступности сборников, издаваемых в Копенгагене (кстати, один из этих сборников, "Possessive structures in Danish" [1997], и по составу авторов, и по затрагиваемым проблемам можно считать непосредственным предшественником "Dimensions of possession"). Рецензируемое издание в значительной степени восполняет указанный пробел, хотя и не в полной мере: так, в сборнике практически отсутствуют работы датских формальных лингвистов, занимающихся той же тематикой.

Сборник ориентирован, в первую очередь, на функционально-семантический подход к посессивным конструкциям. Это фактически заявлено уже в пространном введении, написанном М. Херслундом и И. Барон, это же прочитывается и в названии сборника, которое недвусмысленно отсылает к одному из важнейших функционалистских трудов по посессивным конструкциям – книге Х. Зайлера "Possession as an operational dimension of language" [Seiler 1983]. И неслучайно именно статья Зайлера, посвященная общему пред-

ставлению посессивности в свете корреляций между семантикой (связываемой, в частности, с градуальным противопоставлением 'отторжимой' и 'неотторжимой' принадлежности) и формальным типом конструкции, открывает основную часть сборника.

Несмотря на явный типологический настрой, задаваемый введением и статьей Зайлера, немалая часть последующих работ имеет дело с преимущественно теоретическим обсуждением довольно известных конструкций романских и германских языков. К ним относятся статьи О. Тоггебу, Ф. Серенсена, Л. Хельтофта, И. Барон и М. Херслунда по датскому языку, И. Бартнинг и М. Ригеля по французскому, Х.Х. Мюллера по испанскому, А.-М. Спаногэ по португальскому, А. Махтелта Болкенштейна по классическому латинскому. К этому же списку примыкает и работа хорошо у нас известного слависта П. Дурст-Андерсена, применяющего свою весьма своеобразную падежную концепцию для описания родительного, дательного и творительного падежей русского языка (некоторое представление о теоретических взглядах этого автора на категорию падежа российский читатель мог получить, например, из статьи [Дурст-Андерсен 2000]).

Хотя предлагаемые подходы к описанию посессивности существенно разнятся (например, в том, какая роль в них отводится грамматическим и лексическим средствам), лейтмотивом, проходящим через многие теоретические статьи, является локалистская концепция, рассматривающая в качестве исходных пространственные отношения. К сожалению, многие работы, претендующие на построение достаточно общей теории посессивности, охватывают лишь небольшой круг подчас периферийных конструкций, связываемых с этим понятием. Кроме того, для прояснения сущности ряда явлений нередко привлекаются их

"перифразы" (например, с глаголом 'иметь'), что приводит к смешению характеристик совершенно разных конструкций. Что же касается частных исследований, посвященных отдельным фрагментам языковой структуры, то основным их достижением нередко оказывается лишь подробная (и навряд ли исчерпывающая) классификация значений и/или функций – сродни тем, что обычно приводятся в дескриптивных грамматиках.

Правда, немало статей сборника все-таки включают обсуждение конструкций, не получивших достаточного внимания в теоретической литературе. Несомненно, что исследования, включенные в "Dimensions of possession" могут показаться в этом аспекте интересными многим из тех, кто занимается проблематикой посессивности, причем отнюдь не только лингвистам, в сферу интересов которых входит датский язык. Из работ, посвященных экзотическому материалу, следует указать описание предикативных посессивных конструкций (со значением обладания) в австралийских языках группы нью-ньюл (У МакГрегора) и в койсанском языке кхое (Б Хайне), а также обсуждение конструкций с 'внешним посессором' (об этом популярно ныне в типологии термине см., например [External possession 1999, Кибрик 2000]) в представительной выборке североамериканских языков (М Митун).

Работы, привлекающие материал разноструктурных языков, стоят в сборнике несколько особняком Э Даль и М. Копчевская-Тамм подробно обсуждают типологически релевантные особенности терминов родства, указывая при этом на не столь очевидную (для языковедов) гетерогенность этой лексической категории. Статья замечательна уже тем, что она пытается суммировать довольно разрозненные факты, касающиеся как грамматического, так и лексического аспектов терминов родства, задавая тем самым основу для более обширного исследования. Другая интересная работа, связанная со сравнением генетически и ареально далеких языков, принадлежит К Фраурюд, которая ставит под вопрос встречающееся в отношении некоторых языков с верхним маркированием утверждение о развитии новых показателей определенности из посессивных аффиксов. Как показано в статье, хотя посессивные показатели в этих языках действительно имеют более широкое употребление, нежели их аналоги в языках "средневропейского стандарта", говорить о том, что эти морфемы развились в маркеры определенности, как правило, нельзя.

В целом, сборник "Dimensions of possession" оставляет несколько противоречивые впечатления. С одной стороны, книга содержит немало любопытных наблюдений. С другой стороны, некоторые теоретические заключения, на наш взгляд, не являются ни в полной мере обоснованными, ни достаточно проиллюстрированными. Более того, с теоретической точки зрения в книге можно найти, пожалуй, не так уж много нового. Например, та же локалистская концепция посессивных конструкций активно разрабатывалась многими (в том числе и отечественными) лингвистами, но при этом неоднократно оспаривалась. Заметим, кстати, что в то время, как большинство локалистских авторов сборника ссылаются – вероятно, в качестве поддержки своих тезисов – на недавнюю монографию Б Хайне [Heine 1997], для самого Хайне локативные конструкции – это лишь один из многих источников грамматикализации посессивных конструкций. Отсюда, конечно, следует, что у двух типов конструкций должно иметься нечто общее, но включения посессивных отношений в число пространственных это все же не требует. Аналогичные замечания можно отыскать и в статье Хайне, опубликованной в рецензируемом издании.

Вероятно, некоторые недостатки сборника можно отнести на счет того, что по существу он включает материалы конференции, а следовательно, сам формат статей оказывается в какой-то степени ограничен. Нам представляется, однако, что есть и другая причина – а именно отсутствие четких представлений о том, что следует считать посессивными конструкциями. Отчасти это связано с неразграничением понятий типа 'владеть', 'иметь при себе' и грамматического понятия посессивности, вследствие чего становятся возможными даже такие курьезные высказывания, как, например, "посессивность не является грамматикализованным концептом в датском языке" (О Тогебу). Впрочем, и определить, что есть "лингвистически релевантная посессивность" не так просто, соответственно, каждый автор оказывается волен понимать это по-своему (здесь можно, например, вспомнить, что П. Дурст-Андерсен отказывает русскому родительному падежу в выражении посессивности). Тем более размытость объекта исследования проявляется, когда исследователь сталкивается с переходным явлением – по крайней мере две статьи (исследование А Махтелта Болкенстайна, посвященное латинскому датию, и обзорная работа М Митун) отстаивают ту точку зрения, согласно которой некоторые

конструкции, традиционно считавшиеся по-
сессивными, на самом деле выражают другие
(экспериментальные) значения. Наконец,
вполне показательно и включение в сборник
статьи Э Даля и М Копчевской-Тамм, где
авторы, хотя и рассматривают класс слов
(термины родства), чрезвычайно важный для
понимания приименных посессивных кон-
струкций, в то же время фактически затрагива-
ют и другие языковые области (например,
словообразование, категорию числа и даже
поведение в дискурсе)

Как кажется, до тех пор, пока не будет
сформировано достаточно четкое представ-
ление о сфере посессивности, говорить даже
о возможности законченных теорий, описы-
вающих устройство посессивных конструк-
ций и их отношение к другим грамматичес-
ким явлениям, еще рано. Мы уверены, одна-
ко, что на 'Dimensions of possession' можно
посмотреть и под другим углом – как на мно-
жество фактов и концепций, которые еще
ждут своего осмысления. И, вероятно, не слу-
чайно, что зайлеровское "измерение" (dimen-
sion) в названии сборника получило форму
множественного числа

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дурст-Андерсен 2000 – П Дурст-Андерсен.
Предложно-падежная система русского
языка. Понятие контакт vs неконтакт //
Логический анализ языка. Языки прост-
ранств / Отв ред Н Д Арутюнова, И Б
Левонтина М, 2000
- Кибрик 2000 – А Е Кибрик. Внешний посес-
сор как результат расщепления валентно-
стей // Слово в тексте и в словаре. Сб ста-
тей к 70-летию академика Ю Д Апресяна /
Отв ред Л Л Иомдин, Л П Крысин М,
2000
- Possessive structures in Danish 1997 – Possessive
structures in Danish / Ed by I Baron, M Her-
slund Copenhagen, 1997
- Heine 1997 – В Heine. Possession. Cognitive
sources, forces, and grammaticalization. Cam-
bridge, 1997
- External possession 1999 – External possession /
Ed by D L Payne, I Barshi. Amsterdam,
Philadelphia, 1999
- Seiler 1983 – H Seiler. Possession as an opera-
tional dimension of language. Tübingen, 1983